

Научная статья

УДК 140.8

doi: 10.17223/19986645/92/14

«Империя добра»: медиапроработка истории СССР в телеверсиях Дмитрия Киселева

**Андрей Геннадиевич Иванов^{1, 2},
Алексей Андреевич Целыковский^{3, 4}**

^{1, 3} *Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия*

^{2, 4} *Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия*

^{1, 2} *agivanov2@yandex.ru*

^{3, 4} *alts1085@mail.ru*

Аннотация. Анализируется специфика медиаобраза Советского Союза в документальных телефильмах Дмитрия Киселева «СССР. Крушение» (2011 г.) и «Красный проект» (2022 г.). На примере данных телефильмов рассматривается трансформация образов советской истории в российском медиaprостранстве. Исследование показало, что содержание телефильма 2011 г. выдержано в тональности рефлексирующей ностальгии и является результатом культурной травмы, вызванной распадом СССР. В фильме 2022 г. наблюдается ревизия взглядов на советское прошлое, фактически происходит реокупация советского мифа.

Ключевые слова: историческая память, культурная травма, ностальгия, презентизм, мифотворчество, медиа, СССР

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

Для цитирования: Иванов А.Г., Целыковский А.А. «Империя добра»: медиапроработка истории СССР в телеверсиях Дмитрия Киселева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 92. С. 265–279. doi: 10.17223/19986645/92/14

Original article

doi: 10.17223/19986645/92/14

"Empire of Goodness": Media processing of the history of the USSR in Dmitry Kiselyov's TV versions

Andrey G. Ivanov^{1,2}, Alexey A. Tselykovsky^{3,4}

^{1,3} Saratov State University, Saratov, Russian Federation

^{2,4} Lipetsk State Technical University, Lipetsk Russian Federation

^{1,2} agivanov2@yandex.ru

^{3,4} alts1085@mail.ru

Abstract. The article analyzes the specifics of the media image of the Soviet Union in Dmitry Kiselyov's TV documentaries *USSR. Collapse* (2011) and *The Red Project* (2022). The transformation of the images of Soviet history in the Russian media space is examined on the example of these TV films. The study showed that the content of the 2011 TV movie is in the tone of reflective nostalgia. Its content can be described using the concept of cultural trauma. The authors analyze possible reasons for the stagnation and subsequent collapse of the Soviet Union. However, most of the screen time is taken up by comments and opinions of eyewitnesses and direct participants of the events of the late Soviet period. Therefore, the 2011 TV movie does not pretend to make final assessments. Moreover, the film debunks a number of myths of the Perestroika period. In general, the image of the TV movie *USSR. Collapse* creates an image of the Soviet Union as a great state with a complex and ambiguous history, and its collapse is treated as a catastrophic event. The movie *The Red Project* revises the views on the Soviet Union and Soviet political leaders. The Soviet past is largely mythologized. The USSR is portrayed as a grandiose super project that had no analogues in world history. The image of Stalin is idealized, while the image of Gorbachev, on the contrary, is endowed with a lot of negative characteristics. Thus, in the 2022 TV movie the Soviet myth is re-occupied.

Keywords: historical memory, cultural trauma, nostalgia, presentism, myth-making, media, USSR

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No, 22-18-00153.

For citation: Ivanov, A.G. & Tselykovsky, A.A. (2024) "Empire of Goodness": Media processing of the history of the USSR in Dmitry Kiselyov's TV versions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 92. pp. 265–279. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/92/14

Введение

В настоящее время уровень интереса к советскому прошлому довольно высок. Советское наследие все активнее используется в процессе выстраивания нового ценностного основания Российского государства. В политической и медийной практиках образы советского прошлого приобретают все

большее значение. При этом речь идет не только о навязанных сверху идеологических установках, но и о ностальгических настроениях по советскому прошлому со стороны значительной части общества.

То есть, с одной стороны, актуализация образов советского прошлого связана с государственной политикой возвращения советского наследия в официальный политический дискурс. К примеру, Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева выделяют три этапа в отношении к советскому прошлому со стороны государственной власти [1]. Первый этап – 1990-е гг. В этот период происходит активное дистанцирование от советского периода (переименование городов и улиц, снос памятников, критика советской политической системы). Второй этап – начало 2000-х гг. Он характеризуется, по выражению авторов, «фрагментарным интересом» к советскому наследию. В 2000 г. был принят новый государственный гимн. Была сохранена мелодия советского гимна, а текст вновь был написан С.В. Михалковым – одним из авторов слов гимна Советского Союза. Также с началом 2000-х гг., по мере укрепления централизованной власти, новое руководство начинает использовать мифотворческий потенциал, связанный с Советским Союзом и его достижениями и, прежде всего, с победой в Великой Отечественной войне, которая стала одним из самых значимых символов. Третий этап наступает в 2010-х гг. и связан с «системно-функциональной актуализацией» образов и символов советского прошлого. Властная элита стала активно использовать идею величия Советского Союза для обоснования политических амбиций современной России. При этом самым значимым символом, репрезентирующим особую историческую роль России, стала Великая Отечественная война. Как в этой связи отмечает Н. Копосов, «...миф о войне стал настоящим мифом происхождения постсоветской России» [2].

С другой стороны, не секрет, что советский период существования страны и соответствующая – постсоветская – ностальгия в последнее время представляют особый интерес для современного российского общества. О том, что граждане Российской Федерации с особыми чувствами относятся к советскому прошлому, свидетельствуют результаты многочисленных социологических опросов [3]. В данном случае уже нельзя говорить о том, что ностальгия по СССР является только лишь официальной политической установкой.

Таким образом, основная задача исследования – анализ и осмысление образов Советского Союза, формируемых и транслируемых медиасредой, а также форм влияния данных образов на российское общественное сознание. Сделано это будет на примере двух телепроектов Дмитрия Киселева: «СССР. Крушение» (приуроченного к двадцатилетию распада Советского Союза) и «Красный проект» (выпущенного к столетию создания Советского Союза).

Методологические принципы исследования

Частичный ответ на вопрос, почему советское прошлое стало актуальным сегодня, может дать обращение к идеям презентизма. Ф. Артог назвал

презентизмом такой темпоральный режим, который заставляет ценить только текущий момент, подчиняет прошлое настоящему и не ждет перемен от будущего [4]. По мнению А. Олейникова, презентизм пользуется историей исключительно инструментально – главным образом для оправдания и поддержания существующего порядка вещей [5]. Кроме того, при взгляде на проблему презентизма он обнаруживает также и сверхдоступность прошлого в современную цифровую эпоху [6]. Еще в 2014 г. Х.-У. Гумбрехт замечал, что сегодня мы живем в условиях так называемого «широкого настоящего» (*broad presence*), когда прошлое и будущее не противопоставляются настоящему в качестве его «иног», но фактически поглощаются им, становясь его имманентными измерениями [7].

Одним из важнейших элементов понимания актуальности советского прошлого является социальный феномен ностальгии. С. Бойм, автор, придававший исследованиям ностальгии концептуализированный вид, выделяет два измерения ностальгии (рефлексирующее и реставрационное), тем самым предлагая оценивать феномен ностальгии как состоящий, как минимум из двух частей [8]. Современные исследователи [9, 10], оценивая концепцию С. Бойм, склонны полагать, что автор считает рефлексирующую ностальгию хорошей, не имеющей социально-политических претензий, а реставрационную – плохой, которую следует избегать.

Конечно, ностальгия – это универсальное явление, получившее разную акцентуацию в национальных культурах. Так, тема рефлексирующей ностальгии связана с саудаде [11], с румынским феноменом дор и т.п. Показательны характеристики рефлексирующей ностальгии – ироничность, фрагментарность, персональность. То есть такой тип ностальгии принципиально не обладает целостностью, связан исключительно с собственными субъективными ощущениями, а также содержит эстетический потенциал, проявляющийся в сатирической форме посредством приема иронии как осмеяния, одной из форм отрицания. В рассматриваемом сериале такие свойства рефлексирующей ностальгии просматриваются в должной мере посредством метафорических высказываний, описаний жизненных ситуаций о пароксизмах советской реальности и т.д.

При анализе феномена ностальгии необходимо упомянуть фундаментальный совместный труд ряда авторитетных отечественных исследователей «Ностальгия по советскому». Ностальгия, будучи главным теоретическим концептом исследования, авторами интерпретируется «как эмоционально-психологический и социально обусловленный феномен, одна из форм исторической памяти, проявляющаяся в эмоциональной, психологической, культурной актуализации прошлого личного и социального опыта в его соотношении с наличествующим настоящим, как частный случай идеализации прошлого, необходимый для его экзистенциального освоения» [12. С. 18]. Для понимания актуальности образов советского прошлого в современном российском общественном сознании особенно важно обратить внимание на один из выводов упомянутого исследования. По замечанию З.И. Резановой и И.В. Тубаловой, «если в начале авторы проекта определяли

ностальгию как вид исторической памяти, актуализируя вектор анализа из актуального настоящего в прошлое, то в ходе выполнения проекта в значительно большей степени актуализировались проспективный характер ностальгических переживаний, их направленность на моделирование будущего, что основывается на переструктурировании актуального настоящего. Таким образом, ностальгия определяется как тип социальной памяти, имеющий разнонаправленные исторические векторы» [12. С. 16]. То есть ностальгия является не только способом рефлексии над прошлым, но и в определенной степени дает возможность конструировать образ будущего.

В известной мере ностальгию, как социальный феномен, можно трактовать как разновидность мифотворчества. Тенденция к пробуждению ностальгии проявляется в кризисные периоды, когда процессы мифотворчества особенно усиливаются. Поэтому общественное сознание, создавая разного рода ностальгические мифы, пытается обрести опору в настоящем через переосмысление прошлого.

Распад СССР и последующий отказ от системы ценностей, на которой основывалось государство, повлекли за собой неизбежные травматические последствия. Поэтому проблема культурной травмы также представляется актуальной для анализа российского общественного сознания. Проблема культурной травмы разрабатывалась в исследованиях Дж. Александра, Р. Айермана, П. Штомпки и др. Дж. Александер рассматривал культурную травму как результат социокультурных процессов идентификации какого-либо исторического опыта в качестве травмирующего. То есть в его понимании исторические события сами по себе не несут травмирующего опыта. Статусом травмы их наделяют идеологические интерпретации. По мнению Дж. Александра: «Чтобы травма возникла на уровне сообщества, социальные кризисы должны стать культурными кризисами. События – это одно дело, а репрезентация этих событий – совсем другое. Травма не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности. Коллективные акторы “решают” представить социальную боль как основную угрозу их пониманию того, кто они, откуда они и куда хотят идти» [13. С. 18].

Медиапроработка истории СССР

Актуальность концепта презентизма обнаруживается при обращении к документальным работам журналиста Д. Киселева («СССР. Крушение» и «Красный проект»). Восьмисерийный фильм «СССР. Крушение» 2011 г. снят в логике комментариев очевидцев и непосредственных участников событий периода нахождения у власти М.С. Горбачева (в результате возникает своеобразный коллаж из оценок участников событий из среды руководителей, чиновников разного уровня, известных артистов). Фильм «Красный проект» 2022 г. подчинен идее ведущего показать эволюцию и последующую деградацию системного подхода к развитию государства. В фильме

2022 г. многое упирается в наличие некоего плана, разработанного отцами-основателями Советского государства, который до прихода Н.С. Хрущева последовательно выполнялся, после чего начались неудачные эксперименты, чередующиеся с попытками оставить все как есть. В итоге «экспериментальный мегапроект для человечества» стал частью истории. В случае сериала «СССР. Крушение» работа памяти, как правило, была инспирирована личным травматическим опытом участников фильма, свидетельством распада их родины.

Сравнивая далее две ленты Д. Киселева, отметим, что сериал «СССР, Крушение» актуализирует концепты памяти (главным образом, коммуникативной [14]) и вместе с этим культурной травмы, рефлексирующей ностальгии. В «Красном проекте» отношение к советскому прошлому инструментальное, а СССР представлен как спроектированный механизм, функционировавший согласно заложенной схеме, отсюда – соответствующее конструирование истории с элементами мифотворчества, а ностальгия, если и присутствует, то реставрирующая.

Следует отметить, что у исследователей культурных травм выделяются модели понимания травмы, предполагающие, соответственно, рациональный ответ и неосознанные действия (например, версия «философии Просвещения» и «психоаналитическая» версия популярной теории травмы у Дж. Александра. Так вот, в сериале, например, нет внятного рационального анализа причин, приведших Советский Союз к исчезновению, а есть беглое упоминание хрестоматийных событий (встречи Горбачева с американскими президентами, межнациональные конфликты, катастрофы и т.п.) и множество личностных оценок происходившего тогда от лица непосредственных участников, а также их современников из числа «сочувствующих» представителей Запада. Отсюда – доминирование апелляции к непосредственному опыту существования в советской действительности, частные рассказы о повседневном советском быте, комментарии знаковых событий позднесоветского времени с использованием метафор, которые в отсутствие развернутых объяснений как будто заполняют собой причинно-следственную связь событий. А ведь к моменту съемок со времени распада СССР прошло уже двадцать лет.

Коммуникативная память участников сериала «СССР, Крушение» окрашена в ностальгические тона. Причем сам автор не смог дать исчерпывающий ответ на вопрос журналиста о ностальгии по советскому, отделившись абстрактной ссылкой на общую историю:

– (вопрос журналиста): В последние годы чувствуется мощнейшая ностальгия по всему советскому – люди в Интернете рыдают чуть ли не над конфетными фантиками той поры. Как думаете, почему?

– (ответ Д. Киселева): Все очень просто: это наша история. Родина может иметь разные режимы, но она – одна. Нужно осознать, что Россия – это ценность. Государство – резервуар для общества, не надо его раскалывать. Многие будут счастливы, если Россия раздробится. Нашим предкам, которые

тысячи лет строили этот «проект», было гораздо труднее, чем нам, но они не считали это возможным» [15].

Представляется, что сериал внес свой вклад в формирование постсоветской ностальгии рефлексивного (в терминологии С. Бойм) свойства.

Однако Д. Киселев десятилетие спустя осуществил ревизию советского прошлого с новых позиций. В документальном фильме 2022 г. «Красный проект» центральное место занимает нарратив о спроектированном Советском государстве, далее функционирующем согласно плану, системному подходу к управлению. Фильм, как отмечалось, был приурочен к столетнему юбилею создания СССР, но термин «проект» нуждается в пояснении. Дело в том, что приписыванием Советскому Союзу некой созданности, даже механистичности, в результате чего возникает образ страны как искусственного образования, занимался не только Д. Киселев. Похожие ассоциации с Советским Союзом можно было встретить также в высказываниях ученых, публицистов, экспертов. Так, журналист В.Т. Третьяков предположил, что СССР был грандиозным политическим экспериментом, оставившим свой след в истории человечества [16]. А историк А.В. Шубин заметил, что модель СССР оказалась оптимальной для задач индустриальной модернизации [17]. Однако у Д. Киселева слово «проект» оказывается не просто расхожей метафорой: вся история СССР предстает как своеобразная работа над мифом. Недаром одним из эпитетов у него оказывается «государство-сверхидея», как будто взятый из перечня мифологем.

Такая разновидность телепродукции, как документальные сериалы, является одним из доходчивых способов демонстрации «работы над мифом». Понятие «работа над мифом» получило распространение с выходом одноименной работы Х. Блюменберга [18], в которой было отмечено, что специфика работы над мифом и самого мифа во многом определяется отношением между рассказчиками и слушателями мифа; тем, какое значение имеет миф для отдельного человека в определенных обстоятельствах. То есть работа над мифом – это процесс постоянного рассказывания-знакомства (получения) и пересказывания мифа. В результате мы имеем дело с совокупностью таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо фигуры, ситуации, процесса, обладающих значимостью для конкретного человека, группы здесь и сейчас. Концепт «работа над мифом» предполагает, что каждый вариант мифа, так же как и каждая отдельная мифологема, работает на основе ранее существовавших мифологических повествований. Просто существовавший ранее материал далее используется в соответствии с новыми потребностями и трансформируется с целью придать значимость новым обстоятельствам (этот процесс Х. Блюменберг называет реокупацией).

И если в ленте «Красный проект» усилиями ведущего иллюстрируется подъем и дальнейший упадок советского мифа по мере реализации замысла основателей СССР, то сериал «СССР: крушение», как отмечалось выше, не претендует на окончательный диагноз. Сериал развенчивает многие пере-

строечные мифы, и, прежде всего, – на примере ситуации с освещением чернобыльской аварии – декларируемую гласность. Так, во второй серии особо акцентируется факт замалчивания трагедии на Чернобыльской АЭС, что происходит на фоне провозглашения генсеком СССР политики гласности, борьбы с «полуправдой». Кроме того, демонстрируются и обратные стороны мифа о дружбе народов (4-я серия), о демократии и загнивающем Западе (3-я серия). В роли «рассказчиков мифа» здесь выступают очевидцы событий, в роли «слушателей мифа» – современные зрители, в том числе и сегодняшняя молодежь, не заставшая, конечно, советское время.

На примере нашей страны, особенно в конце XX в., можно привести достаточное количество самых разнообразных мифов, циркулирующих в обществе. Так, в работе Г.В. Осипова [19] дается характеристика и типологизация функционирующих в России на стыке XX и XXI вв. мифов. Автор выделяет деструктивные мифы (например, миф о том, что все решит рынок); мифы слепого копирования; умышленные мифы (например, миф о приватизации); мифы-страшилки (например, миф об угрозе коммунизма); националистические мифы; мифы, созданные по принципу «свой – чужой» и т.п. Эти мифы, по мнению исследователя, пришли в нашей стране на смену мифам о развитом социализме, о дружбе народов и т.п. С крушением советской идеологии разрушилась и соответствующая мифология, и ключевую роль здесь сыграло объявленное М. Горбачевым «новое мышление».

Фильм 2022 г. отчетливо демонстрирует презентизм по отношению авторов к теме Великой победы. Великая Отечественная война становится центральным нарративом фильма. Во время рассказа об истории образования Советского государства акцент делается на том, что оно создавалось как оборонительный союз против враждебных капиталистических стран Запада. И если Российская империя не выдержала выпавших ей испытаний Первой мировой войны, то проект Советского Союза оказался гораздо более эффективной формой отражения военных угроз. Как говорится в фильме: «Уже во Второй мировой войне исторически именно Советский Союз стал победоносной формой выживания народов России в небывалой бойне со взбесившейся Европой: Германией и ее союзниками». Индустриализация, масштабные стройки – все это преподносится как заблаговременная подготовка к войне: «Народу предстояло принять “красный проект”, укрепить скелет государства, нарастить мускулы, совершив экономический скачок». При этом политический авторитаризм и жесткая цензура получают следующую трактовку: «Способность системы защитить себя от любой внешней и внутренней угрозы. Отсюда железная дисциплина. Дисциплина труда и дисциплина мысли». Таким образом, по мнению авторов фильма, Советский Союз представлял собой уникальный проект, без которого не было бы Великой победы: «СССР – броня, что позволила нам выжить и победить в Мировой войне. Первая политическая система непосредственного участия народа».

Показательно, что характеристика советских вождей в фильмах за одиннадцать лет, отделяющих их появление на экране, не меняется в отношении Брежнева, Андропова и Черненко, но претерпевает разительные перемены,

когда речь идет о Сталине, Хрущеве и Горбачеве. Так, фигура Сталина в фильме 2011 г. определяется следующим образом: «Иосиф Сталин – советский диктатор, преемник Ленина, необычайно жесток; насилие и террор для него – основные средства строительства социализма; практик политической селекции, считавший несогласных недостойными жизни; создатель системы принудительного лагерного труда; преследовал церковь, рушил храмы <...> преобразуя Россию, расстреливал и ссылал» (1-я серия). Спустя десятилетие характеристика Сталина начинается с положительных коннотаций: «Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин) – исполнитель ленинского замысла нового государства, великий геополитик XX в., создатель двупольярной мировой политической системы <...> зодчий “красного проекта” – восстановление единого имперского пространства на основе подъема народа к высокой культуре, светской веры в коммунизм, системного государственного управления хозяйством». При этом политические репрессии в фильме 2022 г. затрагиваются лишь в связи со сталинскими мегапроектами: «Крупные советские проекты особенно на Севере – это всегда еще труд заключенных. Сотни тысяч подневольных людей, узников ГУЛАГа работали на благо будущих поколений в тяжелейших условиях. Конечно, возникает вопрос цены свершений, но результат не отменить». Подобная трактовка сталинских репрессий не оправдывает их, но довольно сильно смягчает их оценку. Некоторые характеристики Сталина меняются на диаметрально противоположные. Так, в сериале 2011 г. о Сталине сказано, что он «преследовал церковь, рушил храмы», а в фильме 2022 г. о нем сообщается следующее: «восстановил патриаршество Русской православной церкви». В целом в фильме 2022 г. позитивные характеристики деятельности Сталина значительно перевешивают негативные. К примеру, после критики за насильственную коллективизацию и за то, что индустриализация фактически проводилась за счет нового закрепощения крестьян, перечисляются заслуги Сталина перед государством: «победитель германского нацизма», «вернул славу защитникам народа от иностранных нашествий», «обеспечил создание атомной и космической промышленности» и т.д.

Любопытна характеристика Ленина в фильме 2022 г. Ленин получает такие эпитеты, как «русский гений», «величайший деятель европейской цивилизации», «бессребреник». Как государственный деятель он охарактеризован следующим образом: «построил невиданное доселе государство – народное», «провозгласил отмену эксплуатации человека человеком», «продолжил дело Петра I, взяв за основу западную идею социальной модернизации», «смело действовал в небывалых масштабах», «предопределил мировое лидерство СССР и победу во Второй мировой над странами Запада». Его восприятие народным осознанием описывается как «веками желанный народный царь». Однако в сериале 2011 г. Ленин практически не упоминается.

Образ Хрущева также претерпевает трансформацию. В сериале 2011 г. он характеризуется как «советский либерал, романтик, эксцентрик», «воинствующий атеист». К его основным политическим шагам и достижениям на

посту главы государства авторы фильма относят развенчание культа личности Сталина, реабилитацию сотен тысяч политзаключенных, запуск в Космос первого человека. Отмечается также начало строительства бесплатного жилья, массовое появление личных автомобилей. Говорится и о негативных последствиях хрущевской политики. Например, рост цен или эскалация международной напряженности. В фильме 2022 г. перечисленные характеристики Хрущева и его политики сохраняются, но получают другую оценку. Так, отмечается передача Крыма Украинской ССР в качестве первого решения Хрущева на посту главы государства. «Юридическая неряшливость», с которой была осуществлена передача Крыма, в фильме характеризуется как начало эпохи хрущевского волонтаризма («самодурства»). Стремление Хрущева наладить быт советского человека трактуется как отход от изначальных идеалов «красного проекта»: «Шаг за шагом Хрущев двигает СССР не к советской, а к американской мечте. Возвращает общество потребления». В качестве примера авторы фильма приводят выставку «Промышленная продукция США», устроенную в 1959 г. в Москве. Выставку, приуроченную к визиту в Советский Союз вице-президента США Никсона, посетил и сам Хрущев, чем, по мысли авторов проекта, подтвердил, что бытовой комфорт имеет значение. В фильме выставка трактуется как реклама американского образа жизни, которая произвела на советских граждан ошеломляющий эффект. Вследствие внутренней политики Хрущева личное благополучие для советских людей становится более значимым, чем благополучие общественное, а это уже «явный отход от “красного проекта”». Показательно, что в сериале 2011 г. период правления Хрущева в соответствии с устоявшейся традицией именуется оттепелью, а в фильме 2022 г. – эпохой волонтаризма. В итоге авторы фильма 2022 г. дают Хрущеву следующую характеристику: «По сути, Хрущев – ликвидатор “красного проекта”».

Характеристики Брежнева одинаковы в обоих фильмах: «противник реформ», «сибарит», «сентиментален», «коллекционер западных автомобилей, любитель бриллиантов». Время правления Брежнева в фильмах традиционно именуется эпохой застоя. Однако в сериале 2011 г. звучат и положительные оценки брежневского периода. Например, Е.К. Лигачев говорит об ошибочности исключительно негативных оценок, отмечая, что за восемнадцать брежневских лет промышленное производство увеличилось в три раза, сельскохозяйственное – в полтора раза, кроме того, было построено несколько крупных предприятий. В фильме 2022 г. брежневское время однозначно трактуется как эпоха стагнации и упадка. По мысли авторов фильма, застой «перевел страну в режим жизни по инерции».

Представление о Горбачеве сменилось на резко отрицательное. Если в сериале 2011 г. деятельность Горбачева на посту генсека и – далее – президента оценивается с самых разных сторон, в том числе и самим политиком, то в фильме 2022 г. автором ленты выносится жесткий вердикт – «Горбачев – конечный продукт обратной селекции». Охарактеризованный как «мо-

гильщик КПСС и СССР» и «популист», который не провел «ни одной удачной реформы», Горбачев изображается слабым лидером, неспособным контролировать ситуацию.

К причинам распада СССР авторы фильма 2022 г. относят не только отступление советских лидеров от идеалов «красного проекта», но и враждебную деятельность США. В фильме упоминается план Рейгана по разрушению СССР – «директива № 66», предполагавшая удар по советской экономике через обрушение мировых цен на нефть и поддержку сепаратизма в национальных республиках. Горбачев с его политической недалекостью и желанием договориться с Западом, по мысли авторов фильма, только сыграл на руку США.

Фильм 2022 г. завершается перечислением основных достижений СССР, доставшихся современной России, используемых страной сегодня: «Советского Союза давно нет, но мы до сих пор живем его достижениями. Россия – энергетическая сверхдержава: это Советский Союз. Наши ракеты и космос: мощнейший задел – советский. Мирный и военный атом – тоже. Наша тяжелая промышленность, наши трубопроводы запущены тогда. Темпы реализации “красного проекта” ошеломляли мир и вдохновляли страну на новые подвиги. Советский Союз победил в самой ужасной из войн и сыграл решающую роль в ликвидации колониальной системы. В итоге мы увеличили количество свободы в мире. Выйдя из СССР, союзные республики оказались полноценными государствами со сложившейся системой власти, образования и медицины, хозяйственными связями и русским языком, понятным на всем некогда общем пространстве. Мы ставили масштабные цели, превращая их в планы, и добивались успеха. Мы создали империю добра, когда теплые человеческие отношения друзей, на работе и с соседями компенсировали жесткость советского уклада. Все это и сегодня наш актив». Такая воодушевляющая концовка фильма, в которой демонстрируется тесная связь советских достижений с современной Россией, убедительно утверждает, дает дальнейшую жизнь «государству-сверхидее», создает предпосылки для «реоккупации» советского мифа – формирование уникальной, самобытной общности людей на основе единого государственного образования.

И это уже не реставрирующая ностальгия, а то, что И. Сандомирская называет реставрацией, полагая, что она есть третий, дополнительный и критический дискурс прошлого по отношению к истории и памяти: «Тогда как история строит целостную и непротиворечивую картину прошлого, а память неустанно генерирует его, прошлого, миф, реставрация отчасти вбирает в себя и то и другое, но при этом и отталкивается как от умозрительности истории, так и от сновидческих ландшафтов памяти» [20. С. 10].

Важно, чтобы на этот раз реставрация не превратилась в пародию на саму себя, как это уже бывало в позднесоветской истории, когда после смерти Сталина, по словам А. Юрчака, произошла масштабная реорганизация всего дискурсивного режима социализма, в результате чего «постепенно становилось важнее воспроизводить точную структурную форму идеологических

высказываний и ритуалов, чем слишком подробно вдаваться в их буквальный смысл» [21. С. 52]. К началу 1980-х гг. данный процесс достиг своего апогея, что обыгрывается и в фильме «СССР: крушение», где в пятой серии, говоря об андроповских временах, участники документального сериала вспоминают о практически идентичных текстах выступлений, кочующих от одного комсомольского собрания к другому.

Заключение

В целом идеи, транслируемые сериалом 2011 г., можно обобщить следующим образом. СССР – это великое государство, его распад стал катастрофическим событием. При этом Советский Союз – это лишь одна из форм тысячелетней российской государственности. Поэтому в процессе дезинтеграции СССР удар в конечном счете был нанесен по Российскому государству и российскому народу, а не по социалистической политической системе. Причиной распада стал комплекс социальных и экономических проблем позднесоветского периода, а также непродуманность реформ Горбачева. Ускорила распад конфронтация Горбачева и Ельцина, которые свои личные амбиции поставили над интересами государства. К тому же вина за распад СССР лежит и на США с их западными союзниками. Конечно, советский период истории сложен и неоднозначен для рефлексии, как неоднозначны и образы советских лидеров. Сталин, к примеру, изображается как создатель советской сверхдержавы, но в то же время характеризуется как кровавый диктатор, осуществлявший беспрецедентные репрессии. Горбачев представлен в сериале как лидер, захотевший изменить СССР к лучшему, но не справившийся с грузом проблем, доставшихся ему в наследство. Сериал выдержан в тональности рефлексирующей ностальгии, кроме того, его содержание можно описать при помощи концепта культурной травмы. Таким образом, сериал 2011 г. соответствует политике возвращения советского наследия в официальный дискурс.

В фильме 2022 г. происходит ревизия взглядов на Советский Союз и советских политических лидеров. СССР изображается как грандиозный проект, не имевший аналогов в мировой истории. Экономические, политические и военные победы СССР – результат осуществления «красного проекта». Ленин – «русский гений», разработчик «красного проекта». Сталин – «организатор», «великий геополитик», создатель советской сверхдержавы; его образ наделяется множеством позитивных черт. Эпоха Хрущева и Брежнева – время постепенной стагнации, наступившей из-за отступления от идеалов «красного проекта». Горбачев изображен в однозначно негативном свете: как руководитель государства он не обладал необходимыми лидерскими качествами и не имел четкого плана реформ, и в результате именно он своими грубыми ошибками спровоцировал начало развала государства. Распад СССР – крупнейшая трагедия русской истории.

В отличие от сериала 2011 г., наполненного ностальгическим настроением (в рефлексующем варианте), фильму 2022 г. не свойствен рефлексующий настрой. Анализируя содержание фильма, можно говорить о наличии реставрирующей ностальгии, и даже о своеобразной реставрации. Причем такая реставрация осуществляется преимущественно посредством мифологизации прошлого или, если быть более точным, через «реокупацию» советского мифа. Такой мифологизации способствует также стиль повествования, насыщенный метафорами, яркими образами, символами («государство-сверхидея», «государство-порыв», «империя добра» и т.д.). В этом отношении фильм 2022 г. соответствует политике систематического возвращения советского наследия.

Список источников

1. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис: Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
2. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М. : Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
3. *100 лет СССР: забыть нельзя вернуться?* // ВЦИОМ Новости. 2022. 30 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>
4. *Hartog F.* Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time. New York : Columbia University Press, 2015. 288 p.
5. *Олейников А.* Будущее в настоящем // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2022. № 2 (142). С. 57–68.
6. *Олейников А.* Время истории // Логос. 2021. № 4, т. 31. С. 5–30.
7. *Gumbrecht H.U.* Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. New York : Columbia University Press, 2014. 112 p.
8. *Бойм С.* Будущее ностальгии. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 680 с.
9. *Будрайтскис И.* Брежнев как современник?: Ностальгия, ретромания и колонизация советского // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2019. № 2. С. 230–237.
10. *Николаи Ф.* Ностальгия, советские вещи и антропология «стихийного материализма» // Новое литературное обозрение. 2022. № 2 (174). С. 338–346.
11. *Тейшейра А.Б.* Философия Саудаде. М. : Издательский Дом «Русская Философия», 2021. 176 с.
12. *Ностальгия по советскому.* Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. 514 с.
13. *Александер Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
14. *Assmann J.* Communicative and Cultural Memory // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin ; New York : De Gruyter. 2010. P. 109–119.
15. *Дмитрий Киселев.* Нам надо научиться серьезно относиться к собственной стране // Комсомольская правда. 2011. 13 дек. URL: <https://www.kp.ru/daily/25803/2783710/>
16. *Виталий Третьяков.* Есть вещи, о которых я жалею // Литературная газета. 2023. 18–24 янв. № 1–2 (6867).
17. «СССР – конструкция, эффективная для своего времени»: Беседа с А.В. Шубиным // Историческая экспертиза. 2022. № 4. С. 125–129.
18. *Blumenberg H.* Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. 685 p.

19. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М. : Норма-Инфра-М, 2002. 616 с.

20. Сандомирская И. Past discontinuous: фрагменты реставрации. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 520 с.

21. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 664 с.

References

1. Evgen'eva, T.V. & Selezneva, A.V. (2016) Sovetskoe proshloe v tsennostnom i obrazno-simvolicheskom prostranstve rossiyskoy identichnosti [Soviet past in the value and figurative-symbolic space of Russian identity]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 3. pp. 25–39.

2. Koposov, N. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima: Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Strict Regime: History and politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

3. WCIOM Novosti (2022) 100 let SSSR: zabyt' nel'zya vernut'sya? [100 years of the USSR: can we forget or return?]. *WCIOM Novosti*. 30 December. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja>.

4. Hartog, F. (2015) *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

5. Oleynikov, A. (2022) Budushchee v nastoyashchem [The future in the present]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2 (142). pp. 57–68.

6. Oleynikov, A. (2021) Vremya istorii [The time of history]. *Logos*. 4 (31). pp. 5–30.

7. Gumbrecht, H.U. (2014) *Our Broad Present: Time and Contemporary Culture*. New York: Columbia University Press.

8. Boym, S. (2021) *Budushchee nostalgii* [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

9. Budraytskis, I. (2019) Brezhnev kak sovremennik? Nostal'giya, retromaniya i kolonizatsiya sovetskogo [Brezhnev as a Contemporary? Nostalgia, Retromania, and the Colonization of the Soviet]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2. pp. 230–237.

10. Nikolai, F. (2022) Nostal'giya, sovetskie veshchi i antropologiya "stikhiynogo materializma" [Nostalgia, Soviet things, and the anthropology of "spontaneous materialism"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2 (174). pp. 338–346.

11. Teysheya, A.B. (2021) *Filosofiya Saudade* [Philosophy of Saudade]. Moscow: Izdatel'skiy Dom "Russkaya Filosofiya".

12. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Nostal'giya po sovetskomu* [Nostalgia for the Soviet]. Tomsk: Tomsk State University.

13. Alexander, J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 5–40.

14. Assmann, J. (2010) Communicative and cultural memory. In: Erll, A. & Nunning, A. (eds) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin; New York: De Gruyter. pp. 109–119.

15. Komsomol'skaya pravda. (2011) Dmitry Kiselev. Nam nado nauchit'sya ser'ezno otnosit'sya k sobstvennoy strane [Dmitry Kiselev. We must learn to take our own country seriously]. *Komsomol'skaya pravda*. 13 December. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/daily/25803/2783710/>.

16. Literaturnaya gazeta. (2023) Vitaliy Tret'yakov. Est' veshchi, o kotorykh ya zhaleyu [Vitaly Tret'yakov. There are things I regret]. *Literaturnaya gazeta*. 18–24 January. 1–2 (6867).

17. Istoricheskaya ekspertiza. (2022) "SSSR – konstruktsiya, effektivnaya dlya svoego vremeni". Beseda s A.V. Shubinyim ["The USSR is an effective structure for its time." Interview with A.V. Shubin]. *Istoricheskaya ekspertiza*. 4. pp. 125–129.

18. Blumenberg, H. (1985) *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press.

19. Osipov, G.V. (2002) *Sotsiologiya i sotsial'noe mifotvorchestvo* [Sociology and Social Myth-Making]. Moscow: Norma-Infra-M.

20. Sandomirskaya, I. (2022) *Past discontinuous: fragmenty restavratsii* [Past Discontinuous: Fragments of Restoration]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.

21. Yurchak, A. (2020) *Eto bylo navsegda, пока не konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.

Информация об авторах:

Иванов А.Г. – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия); зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Целыковский А.А. – канд. филос. наук, старший научный сотрудник учебно-научной лаборатории «ЦИФРА» Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия); доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета (Липецк, Россия). E-mail: alts1085@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.G. Ivanov, Dr. Sci. (Philology), leading research fellow, Saratov State University (Saratov, Russian Federation); head pf the Philosophy Department, Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

A.A. Tselykovsky, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Saratov State University (Saratov, Russian Federation); Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: alts1085@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.09.2023;
одобрена после рецензирования 16.02.2024; принята к публикации 18.11.2024.*

*The article was submitted 25.09.2023;
approved after reviewing 16.02.2024; accepted for publication 18.11.2024.*